

6. Wagner A., Sin K. K., Cheng L. Cultural Transfer and Conceptualization in Legal Discourse // *The Ashgate Handbook of Legal Translation*. Surrey : Ashgate Publishing Limited, 2014. P. 27–41.

7. Akbari A. How to Raise Quality Assurance in Legal Translation: The Question of Objectivity? // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2018. № 53. P. 7–30.

8. Newmark P. *A Textbook of Translation*. Hempstead : Pearson Education Limited, 1988. 311 p.

9. Andrews N. *The Modern Civil Process. Judicial and Alternative Forms of Dispute Resolution in England*. Germany : Mohr Siebeck, 2008. 318 p.

10. *Federal Rules of Civil Procedure (FRCP)*. Rule 26. U.S. : Government Printing Office Washington, 2014. 170 p.

11. *Oxford Dictionary of Law* / Elizabeth A. Martin. Oxford : Market House Books Ltd, 2003. 551 p.

12. Kalmazova N. Teaching Law Students Pre-Translation Text Analysis // *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*. 2016. T. 45, № 58. C. 87–96.

13. Gannage M. *Structure Your Legal Memorandum // Perspectives: Teaching Legal Research and Writing*. 1999. Vol. 8. P. 30–34.

© Калмазова Н. А., Кузнецова Ю. А., 2020

УДК 801.52:159.955

Науч. спец. 10.02.20

DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-82-86

E. B. Maksimjuk

E. V. Maksimjuk

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ГРАНИЦ ПОНЯТИЯ
«ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО»
С УЧЕТОМ ВОЗРАСТНЫХ
ОСОБЕННОСТЕЙ РЕЦИПИЕНТА
(на материале сериала «HOUSE M.D.»)**

В статье сравниваются особенности коммуникативно-речевого поведения взрослых и детей в рамках понятия «личное пространство» в оригинале произведения и в его переводе. Освещаются социально и культурно допустимые и недопустимые формы речевого поведения в отношении личного пространства взрослого друга и маленького ребенка, вскрываются экстралингвистические факторы, предопределяющие специфику границ понятия «личное пространство» в разном возрасте. В статье личное пространство представлено как континуум действий, событий и оценок, опирающийся на представления человека о мире, других людях, о себе и своей деятельности. В силу недоформированности и субъективности образа мира ребенок не может сам расставить акценты значимости предметов и отношений и нуждается в мониторинге, хотя сам того не осознает и часто не признает. В зрелом возрасте личное пространство и личная неприкосновенность сродни синонимам.

Ключевые слова: личное пространство, возрастная детерминация, фрейм, социоллингвистика, моделирующая функция.

**A COMPARATIVE ANALYSIS
OF REPRESENTATION
OF THE BOUNDARIES OF THE CONCEPT
"PERSONAL SPACE" WITH ACCOUNT
OF THE RECIPIENT'S AGE FEATURES
(Based on the "DR. HOUSE M.D." Series)**

The article compares the features of the communicative-verbal behaviour of adults and children within the framework of the concept of "personal space" in the original work and in its translation. It highlights socially and culturally acceptable and unacceptable forms of speech behaviour in relation to the personal space of an adult friend and a small child, reveals the extralinguistic factors that predetermine the specifics of the boundaries of the concept of "personal space" at different ages. In the article, personal space is presented as a continuum of actions, events and assessments, based on a person's ideas about the world, other people, about himself and his activities. Due to the underdevelopment and subjectivity of the image of the world, the child himself cannot highlight the importance of objects and relationships and needs monitoring, although he himself does not realize it and often does not admit it. In adulthood, personal space and personal integrity are akin to synonyms.

Keywords: personal space, determination by the age, frame, sociolinguistics, modeling function.

Социоллингвистика изучает социально обусловленную вариативность языковой структуры. Так как предметом анализа выступает вариативность языковой структуры, то именно переменные, а не постоянные величины становятся объектом пристального научного рассмотрения, при этом языковые явления коррелируют с социальными.

Давно была установлена зависимость речевых особенностей индивида от социальных характеристик: уровень

образования, возраст, пол, профессиональная принадлежность и др. Теоретическая и эмпирическая база, накопленная с 1960-х гг., послужила мощным толчком для наиболее интенсивного изучения взаимосвязи и взаимозависимости развития человека и общества.

Американский структуралист К. Пайк [1] разработал теорию структуры человеческого поведения и постулировал наличие определенных единиц поведения, являющихся составными элементами речевой и неречевой деятельности.

У. Лабов [2] декларировал необходимость построения социально ориентированной лингвистики, т. е. предложил вести описание языковых явлений с учетом данных о возрасте, поле, уровне образования, профессии, этнической принадлежности жителей современного города. Практически это было осуществлено им в ходе массового опроса жителей таких американских мегаполисов, как Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Даллас, Лос-Анджелес и др. В результате была установлена корреляция между вариативностью используемых языковым коллективом средств и социальной структурой общества. Разработанная методология позволила установить корреляцию между вариативностью языковых средств, используемых языковым сообществом, и социальной структурой общества.

Отечественная лингвистическая школа всегда характеризовалась живым интересом к социальной стороне языка. И. А. Бодуэн де Куртене, Л. В. Щерба, А. А. Шахматов, Ф. Ф. Фортунатов и др. заложили в русском языкознании традиции историко-социологического научного подхода к анализу языковых и речевых явлений [3; 4; 5; 6]. Л. П. Крысин [7] провел масштабное исследование речи населения крупнейших городов России (Москва, Ленинград, Горький, Нижний Новгород, Пермь, Свердловск и т. д.). Русской орфоэпической норме и особенностям московского и ленинградского (петербургского произношения) было посвящено исследование Л. А. Вербицкой [8].

Речевые характеристики представителей различных возрастных групп традиционно находятся в центре внимания социолингвистов. Ребенок есть сознательно рефлексирующий субъект, анализирующий результаты деятельности в процессе выстраивания в своем сознании картины (модели) окружающего мира и активно использующего механизм моделирования в своей деятельности, направленной на приспособление к окружающей среде [9].

У каждого человека есть свои вещи, свои интересы и свое личное пространство. Личное пространство — это пространство, которое человек рассматривает как свою собственность, а проникновение туда — как угрозу себе и покушение на то, что ему принадлежит. Но у маленьких детей мы формируем представление, что их личное пространство должно быть открытым для родителей, которые обязаны знать обо всем, что делает и чувствует их ребенок. Известно, что картина окружающего мира формируется в постнатальном онтогенезе человека поэтапно, по мере приспособления ребенка к окружающей среде, и этот процесс тесно связан с постепенным созреванием нейронных структур головного мозга и его элементов, миелинизацией проводящих путей мозга и дифференциацией цитоархитектонических полей больших полушарий [10].

Актуальность исследования ментальных репрезентаций времени и пространства определяется интересом современной психологии не только к изучению пространственных и временных отношений человека с миром [11; 12], но и к феноменологии отображения субъектом различных сторон бытия [13; 14; 15], к «внутренним» психическим когнитивным процессам [16; 17; 18]. Парадигма речевых манифестаций дает возможность изучить взаимодействие людей с миром путем изучения избирательности, предпочтения, направленности

субъекта к определенным аспектам этого взаимодействия, в диалоговых формах часто передаются основные характеристики предмета познания. В связи с этим исследование времени и пространства в контексте ментальных репрезентаций позволяет выявить представления о границах личного пространства и факторы, их детерминирующие.

Материалом для исследования послужили диалоги, взятые из очень популярного во всем мире сериала «House M.D.». Оригинальная англоязычная версия сравнивается с русским переводом, подготовленным студией LostFilm.tv.

Рассмотрим две коммуникативные ситуации.

Личное пространство ровесников

В первой коммуникативной ситуации участвуют две девушки-коллеги. Вектор общения дружеский. Одна из подруг хочет проникнуть в личное пространство подруги. Вторая делает всё, чтобы этого не допустить.

Оригинал: *Why are you late?* (в центре внимания причина опоздания — *Why?*).

Перевод: *Ты почему опоздала?* (в центре внимания субъект опоздания — *Ты*).

Первый ответ. Оригинал: *You are not going to like the answer* (в центре внимания адресат и его реакция). Перевод: *Мой ответ тебе не понравится* (в центре внимания предмет речи и эффект, вызванный им).

Основная функция в оригинале: прогноз эмоционального состояния собеседника на свой ответ (*You are not going to like*). Основная функция в переводе: дистанцирование, основанное на прогнозе эмоционального состояния собеседника.

Эмоциональный фон: легкое раздражение тем, что кто-то (даже подруга) вмешивается в личную жизнь.

Ведущий тип детерминации — пространственный. Цель — отстоять свое личное пространство.

Оценочная шкала: неприкосновенность личной жизни.

Шкала оценки биполярная: раскрыть подробности личной жизни для себя — это «-», для подруги — это «+», она удовлетворит свое любопытство, получит удовлетворение, проникнув в чужое личное пространство.

Ведущий канал восприятия: эмоциональный — оценка чужого психоэмоционального состояния.

Цель — сохранить дружбу и личное пространство.

Второй ответ. Оригинал: *I already know the answer* (в центре внимания говорящий субъект — *I* и видовременной аспект — *already*). Перевод: *Ответ я уже знаю* (в центре внимания предмет речи).

Основная функция в оригинале: повторная попытка проникнуть в личное пространство подруги. Прогноз событий без их вербализации. Возведение себя в статус посвященного без посвящения (*I already know*). Основная функция в переводе: позиционирование объекта речи (чужой личной информации) как своего.

Эмоциональный фон в оригинале: любопытство, прикрываемое псевдоинформированностью. В переводе: превосходство над собеседником.

Ведущий тип детерминации — пространственный. В оригинале субъект и объект речи располагаются в разных частях высказывания (*I already know the answer*). Цель в оригинале — вызвать доверие и узнать информацию. Чувство

причастности организовано при помощи временного фактора (*already*). В переводе объект и субъект репрезентированы друг за другом (*Ответ я уже знаю*) с целью передачи статуса посвященности.

Оценочная шкала: неприкосновенность личной жизни.

Шкала оценки биполярная: раскрыть подробности личной жизни для себя — это «+», удовлетворение любопытства, расширение личного пространства за счет проникновения в чужое.

Ведущий канал восприятия: посессивный — оценка чужого пространства и информации как своего личного.

Цель — расширить личное пространство.

Третий ответ. Оригинал: *I missed the bus*. Перевод: *Я опоздала на автобус*. Перевод и оригинал содержат попытку уйти из сферы личных вопросов в сферу социальных обязанностей.

Присутствие **четвертого ответа** свидетельствует о том, что коммуникативный прогноз был верен, и подруга не устроил прямой ответ, и она продолжает конструировать фрейм прошлого.

Оригинал: *I do not doubt it. No bus stops near Brad's. You spent the night, the alarm did not work or may be it did.*

Перевод: *Не сомневаюсь, возле Бреда никакие автобусы не останавливаются. Провела ночь, и будильник не сработал. Или даже сработал?* (Рематический акцент смещен с автобуса на место действия.)

Пятый ответ содержит информацию, которая напрямую не запрашивалась, но истинно интересует собеседницу. Оригинал: *I did not sleep with him* (в позиции ремы субъект и действие). Перевод: *Я с ним не спала* (рема — субъект и объект речи).

Далее, собеседницы пытаются каждая отстоять свою версию событий. Первая настаивает: *I missed the bus* (**шестой ответ**). Вторая выуживает информацию, вызывая чувство неполноценности у собеседницы.

Седьмой ответ. Оригинал: *There is something either very wrong with you, or something very wrong with him.*

Основная функция — вызвать желание у собеседника опровергнуть информацию.

Эмоциональный фон: любопытство.

Ведущий тип детерминации — экзистенциальный (*there is*). Цель — через манипулирование психоэмоциональным состоянием собеседника проникнуть в чужое личное пространство.

Оценочная шкала: обладание чужим секретом.

Ведущий канал восприятия: эмоциональный — оценка чужого психоэмоционального состояния.

Интенсификаторы — усилители степени состояния (*very*), синтаксический повтор (*something either very wrong with you, or something very wrong with him*).

Перевод: *Слушай, либо что-то не так с тобой, либо с ним.*

В переводе наблюдается деинтенсификация, осуществленная путем опущения наречия со значением степени интенсивности действия (*very — очень*), которое в оригинале с целью эмоциональной суггестии употребляется дважды. При этом в переводе появляется аттрактор внимания, отсутствующий в оригинале (*слушай*).

Восьмой ответ. Оригинал: *There is nothing wrong with him. Melanie, I have to go.*

Основная функция — уйти от ответа (*I have to go*). Говорящий прячется за модальность долженствования, чувствуя, что вербально не может защитить личное пространство, человек отстраняется физически.

Эмоциональный фон: раздражение.

Ведущий тип детерминации — экзистенциальный (*there is*). Цель — защитить честь близкого человека. Про себя говорящая на время забывает, хотя обвинение звучало и в ее адрес. Языковое средство — отрицательная конструкция (*There is nothing wrong with him*).

Оценочная шкала: поддержание авторитета близкого человека.

Шкала оценки: позволить подорвать авторитет — это «-», отстоять авторитет — это «+».

Интенсификаторы — зеркальная относительно обвинения синтаксическая структура:

Something either very wrong with you, or something very wrong with him.

There is nothing wrong with him.

Перевод:

— С ним всё в порядке. Мелани, мне пора.

— А ты уверена?

В переводе в центре внимания опять объект речи (мужчина). Включен провокационный вопрос об уверенности в достоверности предоставляемой информации, призванный спровоцировать аргументацию, но собеседник уходит от ответа физически, уход сопровождается фразой, передающей категорию состояния (*мне пора*). В оригинале на этом месте модальность со значением внешнего долженствования (*have to*).

Мелани не сдается в своем желании узнать правду из уст подруги и опять оказывает давление на ее эмоциональное состояние, строя вопрос в форме обвинения: *You are lying, are not you?* В центре внимания процесс, для вопроса выбрано время системы Continuous, передающее действие, происходящее в момент речи.

Ответ строится с концентрацией внимания на адресате: *I would not lie to you.*

Основная функция — вызвать доверие к себе и к транслируемой информации.

Эмоциональный фон: раздражение.

Ведущий тип детерминации — экзистенциальный (гипотетическая модальность — *I would not*). Цель — перемещение внимания от настоящего момента к типу повседневного общения.

Оценочная шкала: безоговорочное доверие.

Шкала оценки: если друг тебе не верит — это «-», безоговорочно верит — это «+».

В переводе в центре внимания не текущее действие, а его характеристика — повторяемость (*опять*). Эта характеристика маркирует то, что подруга и до настоящего момента пыталась проникнуть в личное пространство подруги, и та уже неоднократно уклонялась от разговора на личные темы.

— Ты опять врешь.

— Ну зачем мне тебе врать?

Ответная реплика в переводе тоже не эквивалентна оригиналу. В оригинале акцент на характере взаимоотношений подруг и их психоэмоциональной близости. Отрицание в высказывании отрицает наличие секретов между ними: *I would not lie to you*. В ответе содержится призыв к аналитике и попытка убедить собеседника в отсутствии мотивации для предоставления заведомо ложной информации другу: *Ну зачем мне тебе врать?*

Личное пространство взрослого и ребенка

Теперь рассмотрим второй диалог, в котором участвует девушка, только что яростно защищавшая свою личную жизнь и личное пространство от вмешательства подруги. В рамках второго диалога у девушки меняется адресат. Адресатом и собеседником выступают маленькие дети.

Роли меняются, и уже она старается проникнуть в чужое пространство: *Good morning. Everybody is on their sits? Sydney, why do not you tell us what you did last weekend*. Причем делает это весьма настоятельно: *Come on, we know that you are not shy*.

Перевод очень близок к оригиналу. Только в последней реплике категория состояния из константной приобретает статус ситуативной: *Сидни, давай-ка расскажи, что ты делала на выходных. Давай, мы знаем, что ты не стесняешься (you are not shy)*.

Ребенок упрекает взрослых, что те постоянно проникают в его личное пространство и никогда не открывают им свое: *How come we always have to tell you what we did, and you never tell us what you did*.

Основная функция — возмущение.

Эмоциональный фон: негодование.

Ведущий тип детерминации — экзистенциальный (*How come*). Цель — эксплицировать социально маркированное неравенство. Языковое средство — полюсная оценка действий (*always VS never*).

Оценочная шкала: наличие правил поведения в зависимости от возрастной градации.

Шкала оценки: дети вынуждены подчиняться — это «–», взрослые могут уходить от ответа — это «+».

Интенсификаторы — зеркальная синтаксическая структура, но с полярными оценочными полюсами: *We always have to tell you what we did, and you never tell us what you did*. Усиливает высказывание модальность внешнего должностования (*have to*), отражающая понуждение к действию, а не внутреннее желание.

В переводе опущен показатель частотности действия, участвующий в оригинале в образовании антитезы «всегда — никогда» (*always — never*). *А почему мы вам рассказываем, что мы делали, а вы нам не рассказываете?* У ребенка возникает когнитивный диссонанс: почему в зависимости от возраста референта конституируются разные модели поведения, и чем они детерминируются.

Ответ учителя (*OK, I had a really great weekend*) приоткрывает «дверь» в личное пространство взрослых, но тут же оказывается, что между взрослыми тоже существует личное пространство с разной степенью открытости. И будучи посвященными в личное пространство взрослого, дети становятся ответственными за его неприкосновенность: *But you*

cannot tell Miss Melanie, OK? В оригинале языковой маркер ответственности — модальный глагол возможности в отрицательной степени, в переводе — императивная форма глагола: *Ладно, у меня были отличные выходные. Но только не говорите мисс Мелани, хорошо?*

Детей, так же, как и подругу, не устраивает даже развернутый суггестивно эмоциональный ответ (*a really great*). Они хотят подробностей: *What did you do?*

Следующий ответ носит и информативный (*I made a new friend*), и дидактический компонент (*It is so much fun to make new friends, is not it?*). В суждении при помощи языковых средств осуществляется категоризация (*so much fun = to make new friends*). Синтаксическая конструкция (*tag question*) способствует утверждению, так как предполагает ответ «да».

Основная функция — дидактическая, формирование ценностной парадигмы у детей.

Эмоциональный фон: позитивный.

Ведущий тип детерминации — психоэмоциональное воздействие. Через образ чего-то положительного (*so much fun*) экстраполировать эту положительную оценку на другой объект — действие (*to make new friends*). Цель — кооперативная социализация детей.

Оценочная шкала: количество друзей.

Шкала оценки: отсутствие друзей — это «–», много друзей — это «+».

Интенсификаторы лексические: количественные показатели (*much*), усиленные указательным местоимением (*that*).

В русском разговорном языке форма *tag question* не имеет узуального характера. Но есть распространенная речевая структура верификационного типа (*правда ли что*). У них общая прагматическая направленность — это соотнесение информации с областью правды или лжи. Цель — подтолкнуть собеседника к подтверждению или опровержению информации: *Я познакомилась с новым другом. Ведь знакомиться с новыми людьми так весело, правда?*

Вопрос со стороны детей маркирует включенность детского когнитивного пространства во взрослое и подотчетность ему: *Did you tell your mom and dad about your new friend?* О появлении чего-то нового в пространстве ребенка обязательно необходимо информировать взрослого. Об этом свидетельствует ответ взрослого: *Absolutely* (маркирует высший предел, событие, которое должно произойти вне зависимости от чего-либо). Информация закрепляется следующим высказыванием: *You should never keep anything from your parents*.

Основная функция — дидактическая, превентивные меры для сохранения жизни и здоровья детей.

Эмоциональный фон: настойчивость.

Ведущий тип детерминации — психоэмоциональное воздействие. На своем примере показать необходимость делиться любой информацией со взрослыми. Цель — кооперативная социализация детей.

Оценочная шкала: доверие.

Шкала оценки: отсутствие доверия — это «–», полное доверие — это «+».

Интенсификаторы лексические: количественные показатели в отрицательном максимуме (*never, anything*),

усиленные модальным глаголом необходимости выполнения действий (*should*).

Взрослый несколько раз заостряет внимание детей на необходимости говорить правду. На один вопрос учитель дает трижды ответ:

(*Children*) *Did you tell your mom and dad about your new friend?*

(*Teacher*) *Absolutely. Of course, I did.*

(*Teacher*) *You should never keep anything from your parents.*

(*Teacher*) *And I told mine.*

Степень категоричности в переводе чуть ниже: лексема *конечно* менее экспрессивна, чем *absolutely*. Опять опущен показатель частотности *never*, являющийся значимым в маркировании границ дозволенного. Предписывающий характер высказыванию придает включение императивной конструкции, вместо модальной структуры со значением совета или рекомендации (*you should*).

А вы сказали вашим папе и маме о вашем новом друге?

Конечно, от родителей ничего не нужно скрывать.

И я сказала моим.

Таким образом, основываясь на результатах анализа, можно сказать, что данный фрагмент картины мира в рамках двух культур совпадает. Перевод очень близок к оригиналу. Отличия наблюдаются в тема-рематическом членении и представлении информации, а также деинтенсификации, выраженной в опущении наречий со значением частотности (*always, never*).

Замкнутость и незамкнутость границ личного пространства продиктованы степенью сформированности картины мира и возможностью адекватной оценки своих действий с точки зрения социальной аксиологической парадигмы, а также степенью ответственности. Взрослый человек во многом планирует свою деятельность, выстраивая в своем сознании возможные варианты поведения, прогнозируя поведение, реакцию окружающих его людей и возможные результаты этих действий. Мысленное моделирование событий и их интерпретация, по определению П. Линдсея и Д. Нормана [19, с. 14], составляет сущность мышления. Ребенок же во многом действует спонтанно и часто не отдает себе отчета в своих действиях и не осознает серьезности последствий. Поэтому взрослые формируют психологическую установку на незамкнутость понятия «личное пространство», чтобы иметь возможность постоянного мониторинга действий и психоэмоциональных состояний ребенка. Но для этого нужны повторяющаяся вербальная установка и личный пример.

Следует отметить, что процесс вербализации (отрыв словесного образа предмета от самого предмета) и его использование в практической деятельности — не только средство коммуникации, но и основной элемент формирования абстрактной модели окружающего мира. Овладение словом позволяет не только передавать ситуацию, но и мысленно ее моделировать [20, с. 56]. Сигнализация преобразуется в речевые формы и ее основной функцией, кроме прежней коммуникативной, становится моделирующая.

1. Pike K. L. *Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior*. Second edition. The Hague : Mouton, 1967. 762 p.

2. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1973. 344 p.

3. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию : в 2 т. М. : Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. 384 с.

4. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.

5. Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. ст. к 150-летию со дня рождения ученого. СПб. : Нестор-История, 2015. 1040 с.

6. Фортунатов Ф. Ф. // Волков В. А., Куликова М. В., Логинов В. С. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М. : Янус-К, 2006. С. 257–259.

7. Крысин Л. П. Язык в современном обществе. М. : Русское слово, 2012. 208 с.

8. Проблемы и методы экспериментально-фонетического анализа речи / Л. Р. Зиндер, Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая [и др.] ; под общ. ред. Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко. Л. : Изд-во ЛГУ, 1980. 151 с.

9. Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч. : в 6 т. М. : Педагогика, 1982. Т. 3. С. 5–329.

10. Брунер Дж. Психология познания. М. : Прогресс, 1977. 404 с.

11. Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб. : Алетей, 2001. 299 с.

12. Когнитивная психология / И. В. Блинникова, А. Н. Воронин, В. Н. Дружинин [и др.]. М. : ПЕР СЭ, 2002. 479 с.

13. Барабанщиков В. А. Системный подход в структуре психологического познания // *Методология и история психологии*. 2007. Т. 2. № 1. С. 86–99.

14. Бодалев А. А. *Личность и общение: Избранные психологические труды*. М. : Международная педагогическая академия, 1995. 328 с.

15. Зинченко В. П. *Психология доверия*. Самара : Изд-во СИОКПП, 2001. 103 с.

16. Величковский Б. М. *Современная когнитивная психология*. М. : Изд-во МГУ, 1982. 336 с.

17. Холодная М. А. *Психология интеллекта: парадоксы исследования*. М. : Барс ; Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. 391 с.

18. Чуприкова Н. И. Изменение когнитивной репрезентации объектов в процессе умственного развития // *Вопросы психологии*. 1987. № 6. С. 31–41.

19. Линдсей П., Норман Д. *Переработка информации у человека*. Введение в психологию. М. : Мир, 1974. 550 с.

20. Соколов А. Н. *Внутренняя речь и мышление*. М. : URSS, 2007. 247 с.